

ОТ РЕДАКЦИИ:

Эта “версия” гуляет с начала XXI века по журналам и газетам. Якобы Пушкин сам на себя сочинил “рогоносный диплом”. Первооткрывателем стал А. Королёв, опубликовавший свой опус в журнале “Искусство кино”. Далее последовали сочинения академика Н. Петракова, соавтора небезызвестной программы “500 дней”. “Концепция” Н. Петракова избобилует оговорками: “возможно”, “ищи — кому выгодно?”, “видны следы когтей поэта”, “смею предположить”, “думаю”... Но уже ничего не “смеет предположить” и не “думает” В. Козаровецкий, от которого, “зная моё перо и чутьё на сенсации” (по его собственному признанию), можно было ожидать чего угодно. И это “что угодно” последовало в “Московском комсомольце” и в “Парламентской газете”. “В тот момент у меня был любопытный, с моей точки зрения, материал о Сиднее Рейли, но, видимо, я его не дотянул до необходимой остроты”... Уже не имеет значения — Пушкин или Рейли, главное — “дотянуть”... И “дотянул”.

“Дотянул” и Игорь Кохановский, опубликовавший в “Литературной России” 4 марта с. г. поэму “Александр и Александра”, в которой использовано всё: и якобы пушкинское “авторство” пресловутого “диплома”, и старые толки о “романе” Пушкина с Александринной Гончаровой...”

Ничто не ново в этом подлунном мире. Слухи о “провоцировании” Пушкиным своей собственной гибели пузырились ещё в веке XIX... Эмма Герштейн усмотрела тягчайшую низость подобных намёков в сочинениях П. В. Анненкова, поддавшегося воздействию светских сплетен.

“Автор с прямолинейной несгибаемостью упрекает Пушкина, что он сам пустил сплетню о верности или неверности ему жены, чего он не должен был делать, зная, что на него “века и века” будут смотреть люди... Отметить, как анненковское направление может довести читателя двадцатого века до пошлости, граничащей с прямой похабщиной, не побоюсь этого слова, считаю необходимым...” (Э. Герштейн. К истории смертельной дуэли Пушкина. Альм. “Лица”, вып. 6, М—СПб., 1995).

Когда подобные “сенсации” являются достоянием узкого круга современных несостоявшихся “литературоведов” — одно дело. Когда они усиленно вбрасываются в массовое сознание — дело совершенно другое. В этих условиях мы обратились за комментарием к классику русской пушкинистики XX столетия Валентину Семёновичу Непомнящему.

ЛИЧНОСТЬ ПУШКИНА: СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ?

Уважаемая редакция, версия, о которой идёт речь, известна мне со времени её возникновения на рубеже столетия; известны и её вариации. Я, насколько помню, на неё печатно не реагировал: растерялся как-то перед простотой и, главное, современностью этого открытия.

В самом деле, более полутора веков авторство анонимного пасквиля, сыгравшего свою роль на пути Пушкина к гибели, оставалось под вопросом — сначала для современников, очевидцев трагедии, потом для исследователей; и вдруг в наше деловое и остроумное время утверждается, что и современники, и учёные полтора века плутали среди трёх сосен, не соображая, что автор диплома “ордена рогоносцев”, присланного Пушкину, — сам Пушкин. Как тут не растеряться. Правда, растерянность эта — не “учёного” свойства,

а — как бы сказать — чисто человеческого. Впрочем, нынче это, кажется, уже нуждается в пояснении.

Известно: получив анонимку, Пушкин решил, что это затея Луи Геккерна, “приёмного отца” и сожителя Дантеса. Известно также — из воспоминаний В. Сологуба, — что поэт подозревал в причастности к затее “одну даму” — “которую мне и назвал”, добавляет Сологуб (речь, по-видимому, об Идалии Полетике, ненавидевшей Пушкина, устроившей Дантесу неожиданное для жены поэта свидание с нею в своём доме, откуда та в ужасе бежала). Известно далее: в свете обвиняли в этом грязном деле и кн. П. Долгорукова, и кн. И. Гагарина, и министра К. Нессельроде, и министра С. Уварова; одним словом, тень пала на многих. Само собой разумеется: давая получению “диплома” огласку, Пушкин не мог не предвидеть подобных последствий. А это значит: если — по указанной версии — Пушкин сам фабрикует мерзкий пасквиль, где, называя себя рогоносцем, обливает грязью свою жену, так это — специально для того, чтобы сделанную мерзость приписать другому или другим.

Подобное во все времена — включая и пушкинское, и исторически ещё недавнее, — называлось подлостью.

Конечно, Пушкин, как и все мы, был человек грешный, подверженный как страстям, так и слабостям, — что сознавал и в чём нередко раскаивался. Но никто из знавших его, включая недругов, — и это при том, что тогдашнее общество, с его культом светской чести, было пристрастно-зорко и ядовито-чувствительно к поведению дворянина, тем более человека широко известного, — никто, нигде и никогда не обвинил и не заподозрил поэта в каком-либо низком поступке. Подлецом Пушкин предстаёт только в наше время, в названной версии, стоящей на том, что подлость была ему по неким мотивам — безразлично, в данном случае, каким — “выгодна”.

Впрочем, я увлёкся и выражаюсь неточно. Ничего близкого к понятию подлости нет ни в лексике, ни в логике версии: речь идёт именно о выгоде, находчивости, тактическом ходе и пр. Версия не только не ощущает низости приписываемого Пушкину деяния — она относится к такому “ходу” с “резвым” — и, в общем, сочувственным *пониманием*. Она исходит, таким образом, из новой для России системы ценностей — не нравственных, то есть собственно человеческих, а чисто *прагматических* — на каковых и весь животный мир стоит. Тут её кричащая современность.

Что до доводов и рассуждений авторов версии, то в свете указанной сути они не имеют значения, их качество под стать сути. К делу привлекается, скажем, светская сплетня о любовной связи Наталии Николаевны с императором (породившая саму идею “диплома”) — наперекор известным высказываниям Пушкина о жене как “чистом создании”, о её прекрасной душе, вопреки предсмертным его словам, что она ни в чём не виновата, вопреки тому, что священник Вас. Бажанов, исповедовавший вдову поэта, назвал её “ангелом чистоты”. Или: в историю с пасквилем, порочащим Наталью Пушкину, вписывают её сестру Александру (отношения которой с Пушкиным есть сфера не более чем отдельных личных “мнений”), представляющую такую же окончательно бессовестной тварью, как и сам поэт. Или: исходя из текста и символики диплома, Пушкину, когда-то, в молодости, “в сладком ослеплень” (как он писал) побывавшему в масонах, навязывают масонские манеры и отрывки в его зрелые и поздние годы. Замечательно нелепа трактовка того места январского, преддуэльного, письма к Геккерну, где поэт говорит, что получение “анонимных писем” оказалось ему “очень кстати”, выведя его “из затруднения”; говорит он это с издевательской иронией — а версия понимает фразу впрямую, то есть как натуральное доказательство “выгоды” анонимки для поэта и, стало быть, его собственного авторства; в результате Пушкин предстаёт, сверх всего, ещё и беспросветно тупым циником.

Впрочем, копаться в подробностях, вообще полемизировать, то есть вступать в диалог, нет смысла. Мы имеем дело с явлением эпохи конца человеческой культуры — эпохи, в которую России, родине Пушкина, вступать тошно.

Вот что я могу сказать о современной, как глянецвый журнал, версии нравственного облика величайшего русского поэта. Верю, что она не оболванит читателей — тех, для кого ещё внятно человеческое и белое отличимо от чёрного. Надеюсь, они поймут: то, в чём стараются убедить творцы версии о Пушкине-подлеце, есть только факт биографии самих этих людей. Как говорится, у каждого “свой Пушкин”.

С уважением —
В. Непомнящий